

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова.

Предисловіе.

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ... Сколько свѣтлыхъ воспоминаній о лучшихъ дняхъ расцвѣта русской журналистики вызываетъ эта личность!

Благосвѣтловъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ бойцовъ за лучшее будущее Россіи. Его смѣлое, живое и горячее слово навсегда останется памятнымъ въ исторіи русской литературы. Дѣятельность Г. Е. тѣсно связана съ дѣятельностью другого крупнаго работника въ области русской критической мысли,—Д. И. Писарева. Отсюда вполне понятенъ тотъ интересъ, который должна возбуждать въ историкѣ русской литературы личность Благосвѣтлова.

Но до нашихъ дней жизнь и дѣятельность Г. Е. очень мало изучены. У насъ болѣе знаютъ Благосвѣтлова-журналиста, но всѣмъ почти не знаютъ Благосвѣтлова-человѣка. А человѣкъ онъ былъ интересный. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ обученія въ Саратовской семинаріи, Благосвѣтловъ обращалъ на себя вниманіе какъ товарищей, такъ и преподавателей. Его живая, правдивая и свободолюбивая натура ярко выдѣлялась на тускломъ фонѣ семинарской жизни того времени. Онъ заставлялъ говорить о себѣ. Онъ заставлялъ окружающихъ смотрѣть на него, какъ на явленіе замѣчательное. Объ этихъ-то первыхъ годахъ жизни Благосвѣтлова, его первыхъ шагахъ къ извѣстности, мы какъ разъ менѣе всего и знаемъ.

Въ настоящее время мы можемъ лучше познакомиться съ Благосвѣтловымъ-семинаристомъ. Еще въ 1890-ыхъ годахъ саратовскій старожилъ, Ф. В. Духовниковъ, нынѣ уже покойный, собралъ много свѣдѣній о саратовской жизни Благосвѣтлова, при чемъ оказалась возможность сказать нѣчто новое и о петербургскомъ періодѣ дѣятельности Благосвѣтлова.

Источники, которыми пользовался Духовниковъ для своей статьи о Благосвѣтловѣ,—самые разнообразныя: воспоминанія очевидцевъ, архивы Саратовскихъ духовнаго училища и семинаріи и пр. А что всего важнѣе, въ рукахъ Духовникова были устные рассказы о Благосвѣтловѣ его товарищей по духовному училищу и семинаріи: односельчанина Благосвѣтлова, священника А. Н. Полидорова, протоіерея И. В. Любомудрова, священника П. И. Беллярминова и протоіерея А. Флегматова. Кромѣ нихъ, сообщили свои воспоминанія и замѣтки: свящ. Быстряковъ, И. Н. Виноградовъ, А. В. Духовникова, свящ. П. Н. и П. Е. Павильоновы, прот. Я. У. Палимпсестовъ, Веселовскіе, Н. М. и А. П. Бѣляевы, прот. М. М. Розановъ и С. И. Кедровъ.

Нѣкоторые изъ лицъ, о которыхъ говоритъ Духовниковъ, были живы во время писанія имъ своей статьи: Архаровъ, инспекторъ Камышинскаго духовнаго училища, И. Н. Виноградовъ и др. Я не считалъ нужнымъ измѣнять текстъ статьи Духовникова; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь объ умершихъ идетъ, какъ о живыхъ, я не считалъ себя въ правѣ измѣнять выраженія оригинала. Всякія выноски, сдѣланныя Духовниковымъ на поляхъ, внесены въ текстъ. Вообще, измѣненій въ рукописи я не дѣлалъ, за исключеніемъ только случаевъ (очень немногихъ, впрочемъ) *lapsus linguae*, напр., у Ф. В. Духовникова вмѣсто экскременты стоятъ эксперименты. Это—о редакціонной сторонѣ статьи.

Что же касается самаго содержанія статьи, то здѣсь находимъ совершенно новыя и неизвѣстныя данныя о Благосвѣтловѣ, какъ ученикѣ духовнаго училища и семинаристѣ, съ прекрасной характеристикой духовной школы того времени. Неприглядна была эта картина, отвращеніе вызываютъ къ себѣ многіе факты и лица, но Григорій Евлампіевичъ и здѣсь, въ этой сплошной почти гадости, сумѣлъ заявить о себѣ, какъ личности свѣтлой и выдающейся. Его отношенія къ товарищамъ особенно хорошо изображены этими же товарищами.

Попутно авторъ даетъ новыя данныя и о другомъ видномъ литературномъ дѣятелѣ—И. И. Введенскомъ. До сихъ поръ о Введенскомъ существовала почти лишь одна болѣе или менѣе обстоятельная статья—самого Г. Е. Благосвѣтлова; но здѣсь многое

опущено, особенно темныя стороны характера Ирринарха Ивановича, и нельзя сказать, чтобы читатель получалъ здѣсь вполнѣ вѣрное представленіе о Введенскомъ.

Воспоминанія же, собранныя Ф. В. Духовниковымъ, такъ сказать, дорисовываютъ картину жизни Введенскаго-семинариста.

Затѣмъ, свѣдѣнія Духовникова даютъ нѣсколько новыхъ штриховъ и къ тому, что извѣстно о Г. С. Саблуковѣ, знаменитомъ ориенталистѣ, бывшемъ при Введенскомъ и Благосвѣтловѣ преподавателемъ Саратовской семинаріи (впослѣдствіи профессоръ Казанской духовной академіи). Саблуковъ изображается здѣсь (однимъ саратовскимъ семинаристомъ—его ученикомъ) эгоистомъ,—совершенно новая черта въ характерѣ Гордія Семеновича. Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ отзывъ—не справедливъ, такъ какъ противорѣчитъ всѣмъ извѣстіямъ о покойномъ ориенталистѣ. Но, во всякомъ случаѣ, воспоминанія эти важны, какъ сообщающія неизвѣстныя до сихъ поръ подробности о методѣ преподаванія Саблукова.

Не безынтересна также замѣтка о протоіерее І. Шиловскомъ, сообщающая, что вещи, собранныя имъ при археологическихъ раскопкахъ, хранятся въ Саратовской семинаріи; это противорѣчитъ словамъ Ф. В. Духовникова (въ статьѣ „Н. Г. Чернышевскій“ „Русская Старина“, 1890, IX) о потерѣ всего, собраннаго о. Шиловскимъ.

Смерть помѣшала издать въ свое время эту интересную статью ея автору. Вдова Ф. В. Духовникова, М. В. Шмелева, разрѣшила издать мнѣ этотъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ, за что я и считаю своимъ долгомъ выразить г-жѣ Шмелевой свою искреннюю благодарность.

Александръ Лебедевъ.

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ родился 1 августа 1824 г. въ г. Ставрополѣ Кавказскомъ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Саратовской губерніи, былъ полковымъ священникомъ. Все свое дѣтство, начиная съ двухъ лѣтъ, Г. Е. провелъ въ слободѣ Владиміровкѣ Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи (Царевскій уѣздъ, или, какъ тогда писали, Царевская округа, принадлежалъ къ Саратовской губерніи), куда отецъ его перешелъ ¹⁾ въ 1826 г. по прошенію приходскимъ священникомъ. Приходъ этотъ, считавшійся золо-

¹⁾ Рассказываютъ, Благосвѣтловъ пріѣхалъ во Владиміровку осенью съ двумя своими крестьянками.

тымъ дномъ, данъ ему, какъ полковому священнику, за его службу въ военномъ вѣдомствѣ. Отецъ его, по рассказамъ, былъ человѣкъ прямой, справедливый и умный; память имѣлъ необыкновенную и обладалъ хорошимъ даромъ слова, но любилъ выпить. Съ годами эта привычка все сильнѣе и сильнѣе развивалась, особенно этому способствовали зажиточные прихожане-хохлы, занимавшіеся возкою соли, рыболовствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Дѣдушка Г. Е., отставной пономарь Иванъ Гавриловъ, жившій у сына, тоже любилъ выпивать. Нетрезвая жизнь мужа и свекра очень огорчала мать Г. Е., Варвару Андреевну, хотя не получившую образованія, но очень умную. Она, насколько возможно, сдерживала склонность къ пьянству и смягчала раздражительность своего мужа, который жилъ съ нею дружно; но съ его упорнымъ характеромъ было трудно бороться. Горе любимой матери принималъ близко къ сердцу подраставшій ей любимый сынъ, Г. Е., который въ дѣтствѣ чаще всего видѣлъ грустныя сцены въ домѣ. Это-то и сообщило его характеру оттѣнокъ меланхоліи. По рассказамъ очевидцевъ, даже во время дѣтскихъ игръ Г. Е. не смѣялся. Впослѣдствіи, будучи ученикомъ семинаріи и вспоминая объ отцѣ, Г. Е., никогда не любившій рассказывать о себѣ и своихъ родителяхъ, или же отдѣлывавшійся на вопросы другихъ объ этомъ общими фразами, не относился къ нему съ обычнымъ сыновнимъ почтеніемъ, тогда какъ о матери отзывался съ большою любовію. Она была, какъ выражался самъ Г. Е., рѣдкая, примѣрная женщина. Ласковая, добрая и кроткая, она имѣла на Г. Е. сильное вліяніе, и Г. Е. вполне слушался ея.

Разсказываютъ, что мать его не любила хохловъ, жителей слободы Владиміровки, и всячески оберегала своихъ дѣтей отъ сообщенія съ ними. Г. Е., вполне слѣдовавшій совѣтамъ своей матери, не только самъ не игралъ съ хохлами-сверстниками, но предостерегалъ отъ этого другихъ дѣтей церковно-служителей. Такъ, будучи 11 лѣтъ, онъ часто говорилъ своему любимцу, мальчику 8 лѣтъ, сыну причетника, игравшему съ хохлами: „Съ хохлами играешь, самъ хохоль будешь: не играй съ ними!“ Такъ какъ, кромѣ дѣтей хохловъ, сверстниковъ у Г. Е. не было: братъ же Григорій былъ старше его на 6 лѣтъ и уже учился въ училищѣ, а Серапіонъ на 2 года моложе его, то онъ росъ совершенно одинокимъ, и если игралъ и гулялъ, то съ дѣтьми моложе себя, и то большею частію держался отъ нихъ уединенно, наблюдая только за ихъ игрою.

Хотя отецъ, кончившій курсъ въ Пензенской семинаріи, и не занимался съ дѣтьми, но онъ имѣлъ на нихъ сильное вліяніе, и лучшее, чѣмъ книги, которыхъ у него не было: рассказывая увле-

кательно, особенно изъ жизни военныхъ, которая нравилась ему, онъ незамѣтнымъ образомъ развилъ своихъ дѣтей; кромѣ того, онъ доставлялъ большое удовольствіе дѣтямъ и тогда, когда занимался столярнымъ мастерствомъ или когда игралъ на гусляхъ.

Имѣя много свободнаго времени и будучи предоставлены сами себѣ, дѣти его вполне жили жизнью природы, которая въ слободѣ Владиміровкѣ, находящейся на лѣвомъ возвышенномъ берегу Владиміровки, рукава Волги, очень разнообразна: къ западу отъ слободы виднѣется раздробленная на нѣсколько рукавовъ со множествомъ острововъ Волга, такъ что правый берегъ ея находится отъ Владиміровки на разстояніи почти десяти верстъ; къ востоку отъ слободы разстилается покрытая ковылемъ и солончаковыми травами степь, по которой пасся скотъ, и возили соль изъ Баскунчакскаго озера; въ глубокихъ оврагахъ разсажены сады съ плодовыми деревьями—единственная растительность, не высыхающая до глубокой осени, около самаго села было до сотни вѣтряныхъ мельницъ, а еще больше калмыцкихъ кибитокъ, за которыми по степи сидѣли, какъ копны, беркуты; недалеко отъ села протекаетъ Ахтуба, рукавъ Волги, образуя вмѣстѣ съ рукавомъ, Владиміровкою, нѣсколько острововъ, на которыхъ выдѣляются, какъ зеркала, озера съ чистою прозрачною водою. Когда въ домѣ шли какія-либо непріятности, при которыхъ Г. Е. не любилъ присутствовать, то онъ уходилъ съ мальчикомъ, сыномъ вдовы причетника, своимъ любимцемъ, къ вѣтрянымъ мельницамъ и задумчиво гулялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не успокаивался. Но обычныя и любимыя мѣста для прогулокъ были займища и острова, гдѣ въ озерахъ съ прохладною водою Г. Е. любилъ купаться предпочтительно предъ Волгою. Вотъ почему онъ имѣлъ сильную и здоровую натуру.

Выучивши читать и писать, отецъ включилъ Г. Е. 2 сентября 1834 г. въ Камышинское духовное училище, которое было тогда на хорошемъ счету у семинарскаго начальства, благодаря ректору протоіерею Петру Казаринову. Полозовъ, чиновникъ, ревизующій учебныя заведенія, тоже нашелъ Камышинское духовное училище въ очень хорошемъ состояніи, такъ что онъ перевелъ Казаринова и учителя русскаго языка, Алексѣя Хованскаго ¹⁾, вышедшаго изъ философскаго класса, въ Орловскій кадетскій корпусъ, какъ хорошихъ преподавателей. Но какіе учителя были у Благосвѣтлова и каково было ученіе въ Камышинѣ ²⁾,—неизвѣстно; только отецъ

¹⁾ Алексѣй Хованскій теперь редакторъ-издатель „Филологическихъ записокъ“.

²⁾ Архивъ Камышинскаго духовнаго училища до 1861 г. нарочно былъ брошенъ въ огонь во время пожара училища инспекторомъ училища Арха-

Г. Е., недовольный успѣхами и поведеніемъ своихъ дѣтей и винившій въ этомъ учителей, перевелъ 8 сентября 1836 г. въ Саратовское духовное училище, какъ находящееся подъ ближайшимъ надзоромъ начальства, всѣхъ дѣтей: ученика высшаго отдѣленія, Александра, низшаго отдѣленія, Григорія, и третьяго, Серапіона, имѣющаго включить въ училище по той причинѣ, что онъ въ г. Саратовѣ имѣетъ ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ свои дома, которые „берутся дѣтей его содержать у себя въ квартирѣ безденежно и имѣть за ними надзоръ, что составитъ для него какъ облегченіе въ содержаніи, такъ и не менѣе въ соблюденіи оныхъ ¹⁾“. Но родственниковъ у Благосвѣтловыхъ въ Саратовѣ не было: нужно было выставить ихъ только, какъ причину перевода дѣтей изъ Камышина въ Саратовъ, и они встали на квартиру вмѣстѣ съ другими учениками у мѣщанки Анны Сергіевой подъ вѣдѣніе старшаго ученика А. Виноградова, въ Покровскомъ приходѣ; главнѣйшая же причина перевода была вторая: соблюденіе оныхъ. Александръ, проучившійся въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ 8 лѣтъ, и Григорій приняты въ тотъ же классъ, изъ котораго перешли, съ такими отмѣтками за подписью ректора Камышинскаго духовнаго училища Петра Казаринова: поведенія хорошаго, способностей хорошихъ, прилежанія и успѣховъ не худыхъ ²⁾.

Очевидно, они и учились тамъ плохо и вели себя нехорошо, особенно Александръ, очень бойкій, избалованный и испорченный юноша.

Въ то время въ Саратовѣ было два духовныхъ училища: одно первое, помѣщавшееся на Большой Сергіевской улицѣ (противъ дома купца Смирнова) и представляющее въ настоящее время развалины, а другое второе—на Старособорной площади, существующее и теперь. Г. Е. учился въ послѣднемъ училищѣ.

Въ неблагопріятное для занятій время поступилъ Благосвѣтовъ въ Саратовское духовное училище.

Священникъ Амальевъ, ректоръ Саратовскихъ духовныхъ училищъ, лишившійся на 35 году своей жены, хотѣлъ сложить съ себя санъ священника и все-таки остаться въ этой должности, о чемъ и подалъ прошеніе; но преосвященный Іаковъ, человекъ строгой жизни и постникъ, разумѣется, не согласился на это: „изъ рясы одѣться во фракъ“, по его мнѣнію, „было бы соблазнительно для

ровымъ (который живъ и теперь), какъ вещь не нужная и только обременяющая.

¹⁾ Архивъ Саратовскаго духовнаго училища.

²⁾ Изъ архива Саратовскаго духовнаго училища.

учениковъ“, и Амальевъ остался священникомъ, но чрезъ нѣсколько времени, чтобы уничтожить свои грѣховныя вины, онъ послѣ долгихъ мучительныхъ колебаній, принялъ противъ своего желанія монашество ¹⁾, о которомъ онъ всегда нехорошо отзывался, къ общему изумленію знавшихъ его, но къ великой радости преосвященнаго Іакова, который на прошеніи Амальева о посвященіи его въ монахи далъ слѣдующую характерную резолюцію: „Побѣда надъ самимъ собою есть славнѣйшая побѣда!“ Для руководства въ монашескомъ дѣлѣ архіерей велѣлъ Амальеву, принявшему имя Гавріила, жить вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи. Очевидно, отцу Гавріилу въ то время было не до училища, которое, между тѣмъ, очень нуждалось въ хорошемъ начальникѣ и въ которомъ возгорѣлся страсти по поводу назначенія новаго инспектора.

На мѣсто вышедшаго въ священники инспектора духовнаго училища архіерей Іаковъ назначилъ, по своему выбору, изъ трехъ учителей—товарищей, одновременно кончившихъ курсъ Саратовской семинаріи, учителя Гавріила Архангельскаго. Жалованіе учителю тогда полагалось 150 р., а инспектору 200 рублей. Такое весьма большое жалованіе по ихъ посту дано наставникамъ духовныхъ училищъ, по мнѣнію преосвященнаго Іакова, съ тѣмъ, чтобы они не марали священнаго званія наставниковъ взятками, по они были заражены мерзкимъ корыстолюбіемъ ²⁾; должность же инспектора, а равно и ректора давала возможность еще больше имѣть средствъ къ жизни: онъ могъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вытянуть что-либо изъ кошелька лицъ, имѣющихъ къ нему соприкосновеніе. Очень горько и обидно было учителю Целебровскому, товарищу Архангельскаго, что не онъ былъ назначенъ инспекторомъ: онъ и кончилъ курсъ выше по списку своего товарища, и прилагалъ, находясь при должности учителя датинскаго языка, наибольшія усилія къ образованію умовъ ввѣренныхъ ему учениковъ, и ко внушенію имъ сообразно ихъ возрасту истиннаго христіанскаго благочестія, всячески стараясь показывать имъ собою примѣръ онаго; вслѣдствіе этого Целебровскій обнаруживалъ свою злобу къ Архангельскому въ укорительныхъ и ругательныхъ выраженіяхъ къ соблазну учениковъ и безчестію того и другого, за что Целебровскій и былъ уволенъ отъ должности.

Инспекторъ, Архангельскій, былъ очень дѣятельный: онъ самъ не опускалъ уроковъ и строго слѣдилъ за поведеніемъ учениковъ и исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Многіе ученики, не учась

¹⁾ 7 августа, 1839 г. 37 лѣтъ.

²⁾ Изъ архива Саратовскаго духовнаго училища.

по врослости, упорной лѣности и малоспособности, отъ нечего дѣлать привыкали къ худой нравственности и развращали другихъ, поэтому инспектору въ то время было много дѣла.

Необыкновенно требовательный, онъ истязывалъ, билъ учениковъ по щекамъ, трепалъ за волосы, сѣкъ розгами; кромѣ того онъ „по различнымъ притязаніямъ, соединеннымъ съ угрозами жестокихъ наказаній и подъ тѣмъ предлогомъ, что ему дана власть надъ поведеніемъ каждаго изъ учениковъ и потому, что онъ же будто имѣетъ полное право переводить въ семинарію кого ему угодно, а также кого угодно оставить“,—бралъ съ учениковъ деньги, кромѣ тѣхъ явокъ изъ домовыхъ отпусковъ, послѣ которыхъ каждый изъ нихъ отъ опасеній жестокихъ наказаній по возможности, а иногда также и по насильственному со стороны Архангельскаго требованію всегда дарили его. Какъ велики были доходы Архангельскаго, можно судить потому, что онъ въ 1838 г. взялъ съ 13 учениковъ за переводъ ихъ въ семинарію 261 р. 50 к., изъ которыхъ 17 руб. 35 коп. далъ ему братъ Г. Е., Александръ, вѣроятно, за сокрытіе худой нравственности, потому что обычныя приношенія учениковъ въ то время были отъ 10 к. до 1 р. Такіе поступки Архангельскаго возбуждаютъ на него много жалобъ, изъ которыхъ приведены вышеозначенныя выписки, и которыя возникли, благодаря учителю Петру Лебедеву, который подговаривалъ потерѣвшихъ подавать на Архангельскаго прошенія и даже самъ составлялъ ихъ, за что и уволенъ, и затѣмъ самъ Архангельскій въ 1839 г. былъ удаленъ отъ должности по доносу ученика низшаго отдѣленія семинаріи, Николая Левицаго.

Учителя, которыхъ въ то время назначали на должности безъ ихъ согласія, не давая имъ, по окончаніи курса семинаріи аттестатовъ, и назначая ихъ нерѣдко преподавать такіе предметы, которыхъ они совершенно не знали, постоянно смѣнялись: или сами уходили въ священники и свѣтское званіе, или увольнялись за дурное поведеніе, или же принимали монашество, чтобы прикрыть свои грѣховныя вины; но и въ то время „встрѣчались иногда учителя съ доброй, любящей душой; они обыкновенно служили противовѣсомъ той грубой силѣ, которая господствовала надъ юношествомъ. Снисходительность и участіе къ положенію ученика, человѣческое ласковое слово съ учащимся считались по тому времени потерю учительскаго авторитета. Чѣмъ ни дальше стоялъ отъ учениковъ учитель и чѣмъ ни суровѣе онъ былъ, тѣмъ пользовался лучшею репутаціею у начальства ¹⁾. И вотъ, среди этого безпросвѣтнаго

¹⁾ Я не согласенъ съ этимъ. Духовниковъ, Ф. В.

мрака и жестокости отыскивается человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и отзывчивой любящей душой. Онъ проливаетъ человѣческія гуманныя чувства на отношенія къ учащимся и парализуетъ ту холодную жестокость, которая безпричинно тяготѣетъ надъ цѣлымъ учебнымъ заведеніемъ¹⁾. Несомнѣнно, такимъ добрымъ человѣкомъ для Саратовскаго духовнаго училища былъ Иванъ Николаевичъ Виноградовъ, занимавшій тридцать лѣтъ должность учителя, а потомъ инспектора училища²⁾, такими же были учителя Д. О. Львовъ, И. Ѡ. Золотаревъ и Семихатовъ.

Вотъ что происходило въ училищѣ на глазахъ учениковъ!

Тотъ классъ, въ которомъ учился Г. Е., состоялъ, какъ на подборъ, изъ учениковъ очень даровитыхъ и съ хорошими способностями; такіе курсы рѣдки: они вѣками бываютъ. Изъ этого курса много вышло выдающихся лицъ, которыя заняли видныя должности въ Саратовской губерніи (Ш. Н. Павильоновъ, А. Я. Леопольдовъ, И. В. Любомудровъ, П. И. Белярминовъ, В. Разсудовъ, Флегматовъ, Хованскій и друг.). Хотя Г. Е. былъ въ училищѣ не изъ самыхъ лучшихъ учениковъ (онъ записанъ въ спискахъ 5, 6, 10, 20 и даже 30), но онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды учениковъ, какъ сынъ полковаго³⁾ священника, выдавшаго много на своемъ вѣку и знавшагося съ господами офицерами: онъ былъ и умнѣе, и раз-

¹⁾ Заимствовано изъ замѣтки: „Забытый дореформенный учитель“, помѣщенной въ 5 № „Саратовскаго Дневника“, отъ 6 января 1889 г.

²⁾ Иванъ Николаевичъ Виноградовъ живетъ въ Саратовѣ, на горахъ, въ хибаркѣ, имѣющей три маленькія комнатки, изъ которыхъ одна кухня. Будучи съ дѣтства боленъ ногою, онъ не можетъ теперь ходить и проводить время, или сидя, или лежа на постели, вдали отъ людей, не слыша даже шума городского (хибарка его построена его сыномъ на чужомъ дворѣ, посреди сада). Почтенный старецъ, очень умный и образованный человѣкъ, сохранивъ хорошую память, живо и картинно рассказываетъ о прошлой жизни Саратова. Какъ обидѣла судьба этого почти 80-лѣтняго добраго учителя, воспитавшаго многихъ священниковъ Саратовской губерніи! Въ то время, когда онъ съ женою и сыномъ едва влачитъ жалкое существованіе, получая мизерную пенсію (13 руб. съ коп.), товарищъ его, тоже инспекторъ духовнаго училища въ захолустномъ городѣ, нажилъ себѣ отъ трудовъ, только неправедныхъ, большой капиталъ (около 80 тысячъ), и теперь благодушно почиваетъ на лаврахъ. Отчего бы духовенству Саратовской губерніи, имѣющему полную возможность помочь Виноградову, не улучшить жизнь его за его несомнѣнныя заслуги по училищной службѣ? Но старое добро не помнится! (На поляхъ: Миѣ неловко самому дѣлать характеристику И. Н. Виноградова, потому что я обязанъ ему тѣмъ, что онъ многое сообщилъ мнѣ).

³⁾ Онъ въ то время былъ простымъ священникомъ, но до смерти слылъ за полковаго священника, такъ какъ сохранилъ многія привычки военныхъ священниковъ.

витѣе своихъ товарищей. Одѣваясь самъ очень франтовато и щеголевато (носилъ шелковыя и суконныя рясы, надѣвалъ на себя двое карманныхъ часовъ съ двумя цѣпочками и имѣлъ много цѣнныхъ вещей, въ числѣ ихъ табакерку изъ слоновой кости), отецъ Благосвѣтловыхъ одѣвалъ и дѣтей своихъ лучше другихъ: обыкновенною верхнею одеждою учениковъ былъ лѣтомъ пестрядиный или канифасовый халатъ. Григорій Евлампіевичъ носилъ фризую шинель.

Я ¹⁾ былъ товарищемъ Г. Е. въ низшемъ отдѣленіи второго духовнаго училища и одинъ годъ (1837—38) стоялъ съ нимъ вмѣстѣ на квартирѣ, на Бабушкиномъ взвозѣ, у вдовы дьячихи Оеклы Ивановны, которая держала нахлѣбниковъ, учениковъ духовнаго училища. Ученики платили за квартиру по одному рублю въ мѣсяць, а содержаніе имѣли свое; для чего каждый мальчикъ вносилъ хозяйкѣ на одинъ пудъ муки и на провизію: мясо, картофель и проч. опредѣленную сумму. Почему-то отецъ долго не присылалъ мнѣ денегъ; между тѣмъ хозяйка стала роптать на меня и даже грозить мнѣ, что кормить меня не будетъ. Горько мнѣ было выслушивать это, и я заплакалъ. Гриша, съ которымъ я былъ въ дружбѣ, говоритъ мнѣ: „Зачѣмъ ты плачешь? Я отдамъ за тебя хозяйкѣ“. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе: вносилъ за меня хозяйкѣ два мѣсяца деньги. Я очень былъ радъ этому, и съ тѣхъ поръ сердечно любилъ Гришу.

Онъ былъ очень добръ, щедръ и жалостливъ къ своимъ товарищамъ. Бурсаки, обыкновенно, всегда голодные (ихъ кормили всегда въ проголодь), ждуть, не дождутся прихода квартирныхъ (т. е. учениковъ, живущихъ на квартирѣ), отъ которыхъ они могли получить что-нибудь изъ сѣстнаго. Бывало, какъ начнетъ кто-нибудь изъ квартирныхъ завтракать, бурсаки посматриваютъ на нихъ, какъ собаченки, прямо въ глаза, не дадутъ ли чего-нибудь имъ поѣсть. Хотя Гриша не былъ богатъ, но имѣлъ всегда въ запасѣ деньги на письменныя принадлежности и дешевый завтракъ—калачъ и воблу (сухая соленая рыба). Во время завтрака его обступаютъ бурсаки и начинаютъ кланяться: „Гриша, дай воболки!“ и онъ отщипывалъ и раздавалъ имъ, такъ что на его долю оставалась едва двадцатая часть воблы. Но когда тѣ, которымъ ничего не доставалось воблы, поднимали для ѣды брошенныя между уче-

¹⁾ Рассказъ товарища Г. К., священника Петра Никифоровича Павильонова. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подробностей жизни Г. Е. мы будемъ рассказывать отъ имени его товарищей, хотя и будемъ соединять, во избѣжаніе повтореній, рассказы нѣсколькихъ лицъ въ одинъ.

ническими экскрементами на землѣ обглоданныя ребра воблы, между которыми оставались еще пленки ея, или горькую икру, то Г. Е. вынималъ изъ кармана грошъ и, отдавая бурсакамъ, говорилъ: „Бросьте! Какую гадость вы хотите ѣсть! Сбѣгайте и купите воблы“. Обрадованные бурсаки стремглавъ бѣжали за воблою и затѣмъ съ жадностью пожирали ее. Вотъ за такія-то отношенія Г. Е. къ товарищамъ они любили его.

Но къ братьямъ сердечнаго отношенія у Г. Е. не было замѣтно: онъ относился къ нимъ всегда холодно и не по-родственному, такъ что съ теченіемъ времени ихъ холодныя отношенія не только не измѣнились, но даже обострились. Особенно Г. Е. возмущался поведеніемъ старшаго брата Александра ¹⁾, очень бойкаго, рѣзваго и испорченнаго юноши. Онъ велъ себя дурно, постоянно шалилъ и никогда не занимался, и тѣмъ беспокоилъ другихъ и надобдалъ имъ, между тѣмъ ему, обладающему баснословною памятью и имѣющему необыкновенныя способности, учиться было бы легко; но его воспріимчивая натура приняла отъ школьной жизни только дурныя ея стороны: онъ пьянствовалъ, развратничалъ и проч. Часто, бывало, слышишь взволнованный голосъ Г. Е.: „Что ты кривляешься и представляешься шутомъ? Хоть бы чѣмъ-нибудь занялся! Душу мою возмущаешь!.. Вонъ отсюда, паяцъ!“ Но когда Александръ обращался во время занятій за помощью и совѣтомъ къ Г. Е., то онъ всегда съ удовольствіемъ объяснялъ ему. Мы, товарищи, невольно подчинялись вліянію Г. Е. За нашими домашними занятіями никто не наблюдалъ, такъ что мы были предоставлены сами себѣ: кто хотѣлъ, тотъ и училъ уроки, а кто игралъ. Была зима. Изъ нашихъ оконъ было видно, какъ катаются мальчики на лыжахъ съ горы, которая была сдѣлана изъ снѣгу на дворѣ. Глядя на нихъ, мнѣ очень хотѣлось покататься. „Гриша, говорю я ему, пойдемъ покатаемся на лыжахъ“. „Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, прежде давай выучимъ уроки, и тогда уже покатаемся вдоволь“. Я послушался совѣта Гриши и принялся вмѣстѣ съ нимъ учить уроки. Какъ нарочно, на слѣдующій день насъ обоихъ спросилъ урокъ учитель, и мы отвѣтили урокъ свой такъ хорошо, что онъ посадилъ насъ въ первый рядъ учениковъ: меня—третьимъ, а его—вторымъ на первомъ столѣ (тогда разсаживали учениковъ сообразно ихъ успѣхамъ: лучшіе помѣщались на первыхъ столахъ, а худшіе—на послѣднихъ) и назначены были аудиторами, т. е. слушателями уроковъ учениковъ.

¹⁾ Александръ былъ исключенъ изъ семинаріи за дурное поведеніе Умеръ фельдшеромъ въ г. Сердобскѣ, Саратовской губерніи.

Въ то время классъ раздѣлялся на нѣсколько группъ. Учитель назначалъ изъ лучшихъ учениковъ аудиторовъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, что бы до прихода въ классъ учителя спросить всю порученную группу, и о познаніяхъ каждаго ученика аудиторъ отмѣчалъ въ нотатахъ (тетрадкахъ).

Отмѣтки ставились слѣдующія: sc (sciens—знающій), nt (non totum—не все) и ns (nesciens—не знающій). Хотя мы оба были въ большомъ восторгѣ отъ такого назначенія, сознавая, что стали выше своихъ товарищей, но новая наша обязанность надѣлала намъ много хлопотъ, безпокойства и иногда огорченій. Мы знали, что плохая отмѣтка не пройдетъ безнаказанно ученикамъ, получившимъ ее: ихъ высѣкутъ; поэтому приходилось, по ихъ просьбѣ, иногда соединенной со слезами на глазахъ, нѣсколько разъ переспрашивать уроки, давать время доучивать ихъ и даже объяснять; съ другой стороны мы боялись и за свою шкуру: въ случаѣ, если мы неправильно поставимъ ученику отмѣтку, то учитель не только лишитъ насъ почетной обязанности, но и очень сильно накажетъ.

Особенно намъ бывало жаль товарищей съ плохими способностями, но прилежныхъ, для которыхъ ученіе было въ полномъ смыслѣ мученіемъ. Ихъ терзали и ученики, и учителя. Подражая своимъ воспитателямъ, и ученики брали взятки съ своихъ товарищей. Аудиторы, желающіе получить взятку, строго спрашивали учениковъ, за что ихъ называли калилами, и ученики давали взятки, чтобы только они понисходительнѣе были къ нимъ въ отмѣткахъ; сѣкуторы (ученики, занимавшіеся сѣченіемъ своихъ товарищей), зная, кому поставлена плохая отмѣтка, тоже старались заполучить что-нибудь или деньгами (грошъ), или воблой, за что сѣкли, или не очень больно, или не касаясь тѣла ученика. Такое омерзительное вымогательство взятокъ дѣлалось, къ чести учениковъ, только немногими, такъ что такіе взяточники были презираемы нами; особенно ненавидѣлъ ихъ Г. Е., который, будучи, вообще, разборчивымъ на знакомства, никогда даже не вступалъ въ разговоръ съ ними. Когда учитель входилъ въ классъ, то бралъ со стола нотатки и приказывалъ сѣчь учениковъ, имѣющихъ отмѣтку ns. Сѣченіе производили, обыкновенно, дежурные ученики, сильные, рослые, которые ничему уже не учились и не подавали никакой надежды на успѣхи, но которые наводили на всѣхъ страхъ своимъ сѣченіемъ. Весь интересъ ихъ школьной жизни заключался въ розгахъ: внѣ класса, вмѣсто уроковъ, они приготавливали розги, предъ уроками они показывали ученикамъ, какъ они будутъ сѣчь тѣхъ, кто дастъ имъ взятку, и кто не дастъ, во время уроковъ сѣкли. Когда дежурный сѣкуторъ получить взятку, то говоритъ

клиенту: „во время сѣченія кричи сильнѣе“, и когда ученика сѣкли, то онъ оралъ во всю глотку, хотя сѣкуторъ и билъ розгой только по воздуху.

Но случалось, что продѣлки сѣкутора открывалъ учитель, особенно когда онъ былъ въ дурномъ расположеніи. Когда сѣкуторъ дастъ ударовъ 10—15 по воздуху, то учитель, подойдя къ кричавшему ученику и не видя на его сѣдалищѣ никакихъ слѣдовъ розги, велитъ высѣчь другому сѣкутору и самого сѣкутора, и того ученика, котораго онъ сѣкъ. Сѣкуторъ, разсерженный за то, что не ему досталась взятка, сѣкъ ихъ обоихъ изъ всѣхъ силъ. Хотя розги и страшили насъ и производили всегда непріятное впечатлѣніе, но къ нимъ въ обыкновенное классное время мы присмотрѣлись; нѣкоторыхъ же изъ насъ и дома пороли. Но это сѣченіе было ничто сравнительно съ тѣмъ сѣченіемъ, которое случалось на экзаменахъ, бывшихъ три раза въ годъ: предъ Рождествомъ, Пасхою и лѣтними каникулами. На нихъ обыкновенно сѣкли учениковъ рослыхъ, лѣтъ 18—20, уже бреющихъ бороды, за лѣность въ теченіе трети года: ихъ, вѣроятно, считали нужнымъ хотя разъ поучить за ихъ лѣность, такъ какъ обыкновенно во время учебныхъ занятій на нихъ не обращалъ никакого вниманія ни одинъ изъ учителей и никогда не спрашивалъ ихъ, и они, пользуясь полною свободою, ничему не учились и ничего не знали. Каждый экзамень производился самимъ ректоромъ, священникомъ Григоріемъ Николаевичемъ Амальевымъ. До обѣда экзамень шелъ обычнымъ порядкомъ. Въ 12 часовъ ученики распускались домой до 2 часовъ обѣдать, а самъ ректоръ идетъ на обѣдъ къ тому учителю, у котораго былъ экзамень, и который, какъ было тогда въ обычаѣ, обязательно долженъ давать обѣдъ ректору. За обѣдомъ бывало угощенье и водкою, такъ что учитель и ректоръ послѣ обѣда являлись на экзамень уже очень навеселѣ, ни тому, ни другому не хотѣлось экзаменовать, и вотъ тогда-то начиналось сѣченіе лѣнтяевъ. „Захаровъ“! вызываетъ ректоръ ученика. Выходитъ рослый дѣтина съ черными щетинами на бородѣ.

— А ну-ка, просклоняй „розга!“—Именительный падежъ—розга, род.—розгой, дат. розгами.

— „А ну-ка его розгами“!,—кричитъ ректоръ: „дневальные, выходите“! Исполняя приказаніе, дневальные сѣкли ученика съ двухъ сторонъ подобно тому, какъ кузнецы куютъ молотами желѣзо на наковальнѣ въ кузницѣ. Жидкіе пучки розогъ такъ и взвивались въ воздухѣ, кровь лилась.

Несчастный Захаровъ сначала кричалъ, но потомъ, выбившись изъ силъ, лежалъ молча. До ста ударовъ было дано ему. Мы всѣ

сидѣли въ большомъ страхѣ, мертвенно блѣдные, слышно было, какъ пролетитъ муха. Пришедши домой послѣ этого экзамена, Гриша былъ печаленъ, нахмурился; ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, и, несмотря на то, что хотѣлъ ѣсть, легъ спать, не ѣвши; только на другой день онъ сказалъ: „И что это за звѣрство сѣчь до полу-смерти? За что? За то, что Захарова ничему не учили учителя?“. Подобныя сѣченія были не рѣдкость на экзаменахъ. Случалось, что ректоръ во время сѣченія вспоминалъ какую-нибудь шалость ученика, и тогда сѣченіе сопровождалось звономъ въ колоколъ, висѣвшій на крыльцѣ для звона при началѣ и послѣ окончанія уроковъ. Какое значеніе придавалъ ректоръ звону въ колоколъ, мы не понимали, но только помню, что онъ наводилъ на насъ большой страхъ. Мы сознавали, что наказанный ученикъ сдѣлалъ большой проступокъ, который не долженъ, по нашему мнѣнію, пройти безнаказанно; но подобныя сѣченія вызывали въ насъ сочувствіе и жалость къ наказанному (хотя обыкновенно выказывали ему, можетъ быть, и презрѣніе за его поступки), и злость къ начальству и учителямъ за жестокость. Мы такъ и звали ихъ живодерами, понятіе—въ нашихъ глазахъ самое постыдное и безчестное.

Изобрѣтательность училищнаго начальства въ дѣлѣ сѣченія была поразительна. Ученикъ высшаго отдѣленія Саратовскаго духовнаго уѣзднаго, а нынѣ Петровскаго училища, Петръ Соколовъ, въ прошеніи, къ его преосвященству 14 іюля сего (1839) года поданномъ, между прочимъ прописалъ, „что онъ терпѣлъ притѣсненія отъ Васъ (ректора Амальева) и инспектора Архангельскаго, и что во время экзамена предъ Пасхою сего года, Вы (Амальевъ), приказавъ въ классѣ распарить три пары лозъ въ молоко съ перцемъ и виномъ, жестоко нагазали его, такъ что онъ, Соколовъ, за пол-мертва вытасченъ былъ изъ класса и лежалъ съ часъ безъ чувствъ“¹⁾.

(Признаюсь, я не повѣрилъ, чтобы такъ жестоко наказывали, какъ написалъ Петръ Никифоровичъ Павильоновъ, товарищъ Г. Е., почему, съ цѣлью провѣрки факта сѣченія, нарочно перебралъ дѣла Сар. духовнаго училища за два года и убѣдился, что сѣкли еще хуже, почему и выписываю интересный фактъ. Ф. Духовниковъ).

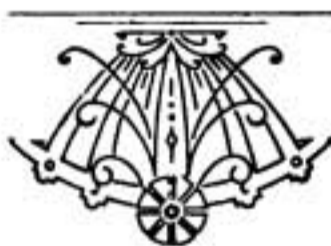
Необыкновенно тяжелое и грустное впечатлѣніе мы выносили послѣ экзаменовъ! Но за то съ какою радостію мы отправлялись домой! Мнѣ привелось совершить поѣздку домой съ Г. Е. Поѣздка на каикулы обыкновенно совершалась цѣлою гурьбою. Всѣ уче-

¹⁾ Архивъ 1839 г. Изъ сообщенія ректора Саратовской духовной семинаріи Спиридова 10 сентября 1839 г. ректору іеромонаху Гавриилу о производствѣ надъ нимъ дознанія по прошенію ученика Петра Соколова.

ники, ѣдущіе внизъ по Волгѣ, собирались на одинъ дощаникъ, который приплывалъ сверху съ бурлаками, ѣдущими внизъ на заработки до Астрахани. Набиралось учениковъ 20—30 съ платою по 20 к. до Царицына, а кому ближе—по 10—15 коп. Гриша плылъ до слободы Владиміровки, а я до Царицына, потому что мой отецъ служилъ въ одномъ изъ ахтубинскихъ ¹⁾ селъ Царевского уѣзда. Дощаникъ нашъ у села Антиповки, ниже Камышина, въ 25 верстахъ, разбился о подводный камень. Чинили его цѣлый день, и у многихъ учениковъ не хватило хлѣба, а купить было не на что. Хотя Гриша имѣлъ въ запасѣ около рубля, и ему приходилось ѣхать до дома еще далеко, болѣе двухъ сутокъ, но онъ употребилъ половину своихъ денегъ на пищу для своихъ товарищей, состоящую изъ хлѣба и огурцовъ, и кормилъ ихъ до самыхъ мѣстъ жительства: кого до Балыклей, кого до Дубовки, а кого и до Царицына.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Села, лежащія на рѣкѣ Ахтубѣ.